

Принципы толкования притч Иисуса Христа и их понимание евангельскими христианами России

© В. Антоненко, 2004

Виктория АНТОНЕНКО, Россия, Краснодар

Виктория Антоненко окончила Краснодарский Христианский университет в 1996 г. В настоящее время продолжает обучение по магистерской программе в Санкт-Петербургском Христианском университете (III курс). Член баптистской церкви. В течение многих лет преподавала в библейских группах, проводила занятия с молодежью в церкви. Ведет христианский сайт по литературно-музыкальной тематике, пишет богословские статьи, а также художественные произведения. Специализируется в области христианского душепопечительства.

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье речь пойдет о евангельских притчах, которые были используемы Христом. Многие столетия среди богословов и ученых не утихали споры по поводу принципов и методов их истолкования, а также их роли в учении Иисуса Христа и применении в современном мире в различных культурах. Такие богословы, как Иеремиас, Кроссан, Уайлдер, Фанк, Виа, внесли большой вклад в историю толкования притч. Хотя их исследования не лишены недостатков, они являются ведущими исследователями на сегодняшний день. Поэтому в первой части статьи дается обзор вышеперечисленных исследований, а во второй части использованы сведения на базе этих материалов и примеры. Речь пойдет также о текстуальном и историческом критицизме. Последний подразумевает связь с культурным контекстом иудеев и их религиозными ожиданиями на тот период времени. Немаловажную роль при этом играет понятие Царства Божьего, и поскольку мы имеем дело с символами в этом литературном жанре, то, определив функцию понятия Царства как символа, мы увидим ключ к пониманию сущности притч и их общей идеи. Это, в свою очередь, даст ключ к пониманию реакции первых слушателей и толкователей.

Однако выявить и проанализировать теоретические основы — это не конечная цель. Необходимо заставить текст заговорить с читателем, то есть сделать его актуальным. Это конечная задача толкователя, и она требует не только знания Писания, исторических условий и текстовых особенностей, но также посвящения Богу и доверия водительству Духа Святого. Чтобы избежать

голословности, необходимо соотнести сделанные выводы с реальной ситуацией в среде евангельских христиан, в нашей культуре и уяснить суть проблемы: чего же недостает российскому богословию и как необходимо дальше двигаться в области истолкования текстов Писания. Поэтому в третьей части на примерах представлены особенности понимания притч в евангельских церквях.

Цель автора – не убедить читателя в каком-либо «правильном» методе толкования, ведь любой метод не может быть абсолютно объективен, но через обзор главных принципов, а также трудностей интерпретации сформировать представление о возможностях текста и предостеречь от ошибок, которые чаще всего встречаются в «свободных» толкованиях.

1. Основа учения

1.1. Определение евангельской притчи. Термин «притча» в греческом языке звучит как «*παράβολη*» («*mashal*» на древнееврейском) и может быть представлен в виде иронического высказывания или насмешки (Пс. 43:11), загадки (Пс. 48:4), образной речи (Мк. 7:14-17), расширенного сравнения (Мф. 13:33), повествования (Мф. 25:1-13), наглядного примера (Мф. 18:23-25) и даже как аллегория (Мк. 4:3-9, 13-20)¹. Для сравнения также можно привести слово *ἀλληγορεῖω*, что означает «говорить иносказательно» (пример в Гал. 4:24). Ссылки на Ветхий Завет — неслучайны. Это существенный фактор для понимания этого жанра в те времена, кото-

рый, соответственно, имеет отношение к использованию притч самим Христом. Наряду с определенными различиями между этими литературными приемами, существует связующая нить, выраженная элементом сравнения. То, что очевидно или известно, сравнивается с тем, что неизвестно или малопонятно с целью объяснить главную мысль².

1.2. Классификация притч. В Новом Завете насчитывается от 45 до 60 притч в зависимости от того, какую классификацию принять. В общем, евангельские притчи можно классифицировать следующим образом: сравнения («Царство Божье подобно» — Мф. 13), афоризмы (Лк. 5:33; 4:23) и притчи, изложенные в виде историй (повествования)³. В. А. Попов подразделяет притчи также на простые и повествовательные. В первом случае «притча напоминает маленький этюд... знакомую всем историю, действие которой происходит в настоящем времени... рассказывающую о жизненном опыте простых людей (Мф. 13:44-45 — о сокровище, скрытом на поле; Лк. 15:3-7 — о потерянной овце)... Во втором случае «притчи выстроены на каком-то особом случае, совершившемся в прошедшем времени. В них намечены контуры характеров действу-

¹ Herrik G., Stein R. H., "The Interpretation of Parables: Exploring «Imaginary Gardens with Real Toads»", www.bible.org/docs/nt/topics/parables/para21.htm. (Biblical Studies Foundation, 1994), p.137.

² Барнуэлл К., Поп Т., Дэнси П. Не искажая Слова Божия. — СПб.: Библия для всех, 1995. — С.290-296.

³ Keathley H. The parables. www.bible.org/docs/nt/topics/parables/para24.htm, 1998. (9 июля, 2003).

ющих лиц... используется закон повторения для акцентирования основополагающей мысли», то есть очевидно «развитие сложного драматического сюжета» (Лк. 15:11-32 — о блудном сыне; Лк. 16:1-8 — о неверном управителе; Мк. 12:1-9 — о злых виноградарях) (Попов, с.29). Впрочем, согласно комментариям Брайтчера (Bratcher) и Найда (Nida) к Евангелию от Марка 4:11 «притча» также означает специальный христианский термин (2001, с.155).

Додд, как и многие другие богословы, считает центральной идеей притч наступление Царства Божьего, а сами притчи подразделяет на те, которые относятся к ожиданию Второго пришествия Иисуса Христа. Это так называемые «притчи кризиса» (о верных и неверных слугах — Мк. 13:34; о бодрствующих слугах — Лк. 12:35; о десяти девах — Мф. 25:1), затем «притчи роста» (о сеятеле, о плевелах, о горчичном зерне).

1.3. Цель использования притч.

Цель и причина использования притч Иисусом Христом изложена в Евангелиях от Матфея 13:10-15 и Марка 4:9-13. Притчи служат средством для того, чтобы увидеть нечто важное и, в то же время, для того, чтобы скрыть это. Что именно? Тайны Царства. «Тайна (μυστήριον) в библейском контексте в сущности означает знание, которое не дано людям вообще, но открыто посвященным...», то есть это «не неизвес-

тный факт, сообщенный специфическим образом, но... то, что было скрытым... Таким образом, это тайны о Божьем правлении»⁴. Однако те, кто имеет жесткие сердца и слепые глаза, неспособны видеть духовные вещи. В этом и состоит причина непонимания. Но «вам дано знать тайны Царствия...». И последнее. В отношении к доктрине притчи «не использовались для пояснения, но напротив: доктрина использует притчи как иллюстрации к ней» (Верклер Г.А., 1996, с.109).

1.4. Краткая история толкования. Начиная со времен Нового Завета, притчи толковались как аллегории, то есть как совершенно мистические истории, где каждая деталь имеет самостоятельное значение. С того времени в истории было несколько важных периодов в развитии принципов толкования текстов⁵. Наиболее важную роль сыграл в этом историко-грамматический метод, в рамках которого философы и теологи предприняли много исследований, в частности в период пострационализма. Хотя аллегорический метод подвергался критике задолго до этого, ученые, о трудах которых пойдет речь, проделали серьезную работу и достигли немалого прогресса, разработав определенные методы и принципы в толковании евангельских притч.

В первую очередь необходимо выделить труды Иоахима Иеремиса и его предшественников — К.Додда и А. Юлихера. Юлихер

⁴ Брайтчер Р., Найда Ю. *Комментарии к Евангелию от Марка*. Пособие для переводчиков Священного Писания. — СПб.: Российское Библейское общество, 2001. — С.155.

⁵ Обзор по истории толкования Библии см. Верклер Г.А. *Герменевтика: Принципы и процесс толкования*. Гранд Рапидс: Бейкер, 1996. — С.29-45.

предпринял первые шаги в понимании притчи как литературной формы, хотя он игнорировал значение использования притч в иудаизме. Он начал рассматривать притчи с позиции классической античности (при этом отодвигая личность Христа на второй план) и пришел к выводу, что суть евангельских притч — это моральные наставления. Додд выявляет два важных пункта с позиции литературной критики. Его позиция лежит в интерпретации притч как метафор или сравнений, при этом он подчеркивает реализм первых, имея в виду непосредственную связь с жизненным опытом людей. Иеремиас внес свой вклад в области текстуальной критики, то есть в воспроизведении притч в их первоначальной форме — так, как их преподавал сам Христос. Иеремиас также признает тот факт, что в первых христианских общинах притчи были истолкованы заново, в частности при переходе из устной формы в письменную. Он понимал притчи в рамках употребления их раввинами в иудаизме и на этом основании сделал вывод, что целью притч Иисуса было иллюстрировать, пояснить и защитить Его учение (поскольку раввины использовали этот метод по отношению к закону). Однако ценность исторического подхода в позиции Иеремиаса не обуславливается контекстуализацией, т. е. он считает, что тексты Писания говорят непосредственно к аудитории — к слушателям или к читателям, кто бы они ни были и в какое бы время ни жили⁶.

Другие богословы⁷ достигли немалых результатов в отношении разработки новых идей и принци-

пов понимания притч как на уровне литературного (в особенности, Виа и Кроссан) и исторического, так и текстуального критицизма. Например, Уайлдер, проводя различие между сравнением и метафорой, представляет притчу как образ, который открывает нечто. Он показывает важность литературных средств в провозглашении Царства Божьего и в самих притчах, имея первое (сравнение) образом, а последнее — метафорой. Виа же представляет притчу как эстетический объект, делая акцент на тщательном анализе развития сюжета истории в тексте, выявлении главного действующего лица и места действия. Однако он мало уделяет внимания диалогу между текстом и интерпретатором. И, наконец, Кроссан понимает притчи как поэтические метафоры и расширенные повествования, рассматривая их (как и Юлихер) в контрасте с аллегорией. Также с позиции текстуального критицизма его (Кроссана) исследования получили наибольшее признание после Иеремиаса. Что касается исторического критицизма, то здесь немаловажную роль сыграла разработки Кроссана «притч — парадигм» и подразделений их на группы о пришествии (advent), обращении (reversal) и действия (action).

Итак, новые достижения в развитии герменевтики притч выражаются в следующем: притчи — это не аллегии (Юлихер); они помещены в эсхатологический контекст

⁶ Perrin N. Jesus and the language of the Kingdom. www.religion-online.org, July, 12th, 2003.

⁷ Амос Уайлдер, Дан Отто Виа, Джон Доменик Кроссан.

(Додд); должны восприниматься в свете оригинального культурно-исторического контекста (Иеремияс); являются эстетическими объектами (Виа); могут функционировать как поэтические метафоры.⁸ Как мы далее увидим, каждая из этих разработок способствует тому, чтобы открыть в притчах новую глубину и побудить читателя увидеть их ценность и переосмыслить собственный подход и понимание.

2. Принципы толкования

2.1. Текстуальный критицизм.

Первый шаг в процессе интерпретации (и не только притч, но и текстов вообще) — это работа непосредственно с самим текстом. Здесь мы имеем дело со структурой текста, со значениями слов, а также с развитием темы автором в связи с контекстом. И поскольку первоначально евангельские тексты существовали в устной форме, а затем были записаны и циркулировали в христианских общинах, как уже было упомянуто в предыдущем параграфе, то в результате произошли определенные изменения в понимании. Будучи помещены в контекст иудейской мудрости, притчи понимались, во-первых, как моральные наставления, а во-вторых, стали толковаться как аллегории. И теперь задачей толкователя является восстановление первоначального смысла текста. Тексты притч, в свою очередь, находясь в вербальном контексте, выражены с помощью определенных символов. Они несут ассо-

циативное значение и переходят из одного контекста в другой, но не создаются заново⁹.

2.2. Литературный критицизм.

Связь притч с темой Царства Божьего. Литературный анализ важен в процессе определения жанра и формы и, соответственно, выделения их особенностей в процессе толкования. Также этот подход помогает извлечь первоначальное значение в подлинном историческом контексте. Если мы говорим о притче как о литературном объекте, то в таком случае каким именно объектом она является? Целесообразно рассмотреть понятие символа языка, его значение и функции с этой точки зрения. Важным при этом является тот факт, что притчи — это не аллегории. Аллегии — это повествования, в которых различные элементы несут разную смысловую нагрузку. В притче же что-то одно становится ясным посредством сравнения с другим. Христос «учил их притчами... в учении...» (Мк. 4:12), то есть «в процессе учения...». В притче о сеятеле сказано, что семя — это Слово. Под «Словом» как раз и подразумевается христианское учение¹⁰. В чем его суть? Современные богословы сходятся во мнении, что главная идея притч — Царство Божье. Эта связь становится очевидной, поскольку учение Христа фокусируется на Царстве, а главным источником информации о нем являются притчи. К. Додд утверждает, что притчи содержат кульминационный момент и пришествие

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Брайтчер Р., Найда Ю. *Комментарии к*

Евангелию от Марка: Пособие для переводчиков Священного Писания. — СПб.: Российское Библейское общество, 2001. — С.148, 159.

Царства прямо или косвенно играет в этом роль. Скрытое сокровище и жемчужина (Мф. 13:44-46) — обладание самым ценным — настоящая реальность. Строитель башни и царь, отправившийся в далекую страну представлены как люди, идущие на риск. Притчи о вине и мехах говорят о невозможности приспособить это учение к традиционному иудаизму. И главный признак пришествия — это забота о потерянных. Непосредственно о пришествии сказано в притче о десяти девах, о верных и неверных слугах, о воре ночью (цит. Perrin N. по кн.: Dodd, *The Parables of the Kingdom* [«Притчи Царства»], 1961, с. 139-156).

По мнению Нормана Перрина Царство Божье — не концепция, но символ, который содержит в себе ряд концепций... но все же если мы говорим о концепции Царства в учении Христа, так или иначе это выражается в природе и форме Божьих действий посредством языковых символов или образов. «Символ же, согласно Рикеру, — это знак, который указывает на нечто большее»¹¹. На самом ли деле это лишь знак, или же нечто большее? Использование Христом языка и символики древнеиудейской апокалиптики связано с существованием «мифа»¹² (см. Пс. 135), и эсхатологические ожидания определялись к тому времени как сформировавшаяся традиция. Кроме того, это совершение Богом истории спасения — от сотворения мира до избрания народа Божьего. Подтверждение этому мы

находим в псалмах 46, 92, 98, 100, где повторяющееся выражение «Господь царствует» на самом деле означает «Господь стал царем», и Израиль был научен воспринимать Его именно в этом ракурсе. Также в Пятикнижии повествуется о делах, явленных в истории Богом как Царем Израиля (например, Исход, 15 — песнь Моисея), который находится на их стороне, защищает, оказывает благодеяния и обещает избавление от языческого ига. Итак, представления израильского народа о Царстве Бога, а также связанные с этим ожидания выражались в следующем: Царство Божье — символ, выраженный в принадлежности народа Богу, находится в контексте мифа, где Бог совершает деяния в истории на стороне своего народа. Это в свою очередь привело к формированию эсхатологических ожиданий ко времени прихода Христа на землю (Perrin N.).

Далее, в речах Иисуса Христа тема Царства затрагивается в контексте молитвы «Отче наш», в различных высказываниях (см. Лк. 11:20); апеллирует к личному опыту — «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21), что делает очевидным возвращение к «мифу». Тем самым слушатели призываются к обновлению в сознании этой реальности через личный опыт. И притчи, представляющие Царство Божье, — символ, имеющий непосредственное отношение к этому «мифу» и таким образом несущий в себе большее значение, чем просто знак, — функционировали как

¹¹ Цит. Perrin N. по кн. P.Riqueur, *The Symbolism of Evil* [«Символизм зла»]. — 1969. — P.15.

¹² Миф в данном случае означает собрание историй, где человек является внешним отображением внутреннего смысла жизни на земле.

средство для провозглашения Божьих замыслов.

Притча (в отличие от аллегии) имеет одну главную мысль. Однако поскольку притча может быть передана в различных ситуациях, то количество главных идей будет меняться пропорционально количеству ситуаций. Таким образом, в исторической обстановке она имела не только одно оригинальное значение, но также и серию последующих значений. Однако при этом толкователь должен быть осторожен с новыми значениями. Перевод определенной идеи притчи в моральный, эсхатологический или христологический аспект неверен, поскольку в этом случае изменится смысл метафоры, которая должна оставаться неизменной¹³.

Исследования в области семантики показывают, что метафора включает в себя также тему и образ, причем фигура речи, содержащая образ, может быть «живой» и «застывшей» и «являться тематическим образом или символом... Например, в притче о сеятеле Слово — это тема метафоры, а посеянное — образ»¹⁴. При застывшей фигуре важна тема, а не образ (образ может при этом меняться или опускаться), а при живой — образ также сохраняется. Но здесь важно найти точку подобия. Примером живой фигуры речи может быть притча о неводе, о плевелах, а также о мехах и вине. Однако «если образ имеет несколько значений, то слушатель может неверно понять метафору (на-

пример, если речь идет о свете, о соли, о крещении)...» То есть «должна быть основа для сравнения»¹⁵.

Помимо этого, притча по своей природе может быть представлена как поэтическая метафора. Последняя же существует в двух формах: предшествующая действию — иллюстрация, преподанная как педагогический урок, и наоборот, когда участие предшествует информации, цель которой — вовлечь в действие. При этом метафора оживает, когда посредством ее мы проникаем в новое измерение реальности, в мир Бога. Таким образом, притчи, автором которых является Иисус, становятся также ключом к пониманию Его личности. Кроме того, Кроссан, как уже было упомянуто, выделяет три ключевые притчи, содержащие в себе «притчевую мелодию»: о жемчужине, о сокровище и о большой рыбе (от Фомы). В притче о сокровище и жемчужине глаголы идут в порядке «находит — продает — покупает», а в притче о рыбе — «нашел — забросил — вытащил». Здесь мы видим человека, который сталкивается с определенным событием или обстоятельством, в силу которого он решает изменить свое прошлое, что, в свою очередь, побуждает его к действиям¹⁶. В этом есть свой смысл, поскольку центральной идеей притч является Царство Божье и сами притчи имеют непосредственное отношение к обращению человека и заключают в себе призыв к действию (Perrin N.). Кроме того,

¹³ Цит. Perrin N. по кн.: Funk R. *Language, Hermeneutics and Word of God* [«Язык, герменевтика и Слово Божье»]. — 1966. — P.151-152.

¹⁴ Бикман Дж, Келлоу Дж. *Не искажая слова*

Божия: Принципы перевода и семантического анализа Библии: Пер. с англ. — СПб.: Ноах, 1994. — С.160, 162.

¹⁵ Там же. — С.154.

используя литературно-критические средства, притчи могут быть подразделены на два типа сюжетов: комический и трагический. Примером первого может служить притча о неверном управителе и о блудном сыне, а примером второго — о талантах, о десяти девах, о брачном пире, о не простившем слуге. В этом случае для понимания притчи необходимо анализировать главный сюжет истории, его развитие, принимая в расчет действующие лица, главный персонаж, место действия и его функции. При этом нужно учитывать, что в основе сюжетов лежит конфронтация или столкновение между двумя персонажами, и затем раскрываются последствия этого столкновения¹⁷.

Итак, можно заключить, что мнения большинства богословов сводятся к тому, что в евангельских притчах заложен некий конфликт и они носят «провокационный характер», заставляя увидеть реальность по-новому, что подталкивает слушателя не только стать участником этой реальности, но также переосмыслить свои взгляды и принять решение.

2.3. Исторический критицизм. В этой структуре анализ лежит в области языка, среды автора и первоначальной аудитории, включая культурные особенности и обстоятельства, при которых был создан текст, цели автора и различные детали, относящиеся к тому времени и месту.

Как уже было упомянуто, Иоахим Иеремиас внес большой вклад в исследование притч с позиций как текстуального критицизма, так и исторического, внимательно изучив исторические особенности и сложившиеся ситуации в контексте служения Иисуса, используя древнееврейскую, в особенности, раннюю раввинистическую литературу. Этот подход имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, рассматривая учение исторического Иисуса, Иеремиас стремится к одной цели: побудить современного читателя услышать и понять весть, переданную Христом так, как это понимали первоначальная аудитория и современники. С другой стороны, возникает проблема взаимодействия между текстом и толкователем, то есть тот самый мост, который необходимо преодолеть в процессе герменевтики. Текст же для Иеремиаса служит лишь средством для восстановления вестей Христа.

Там, где Иеремиас учил о ценности исторического подхода, Виа выделил четыре критических замечания в этом отношении. Они состоят в следующем:

Во-первых, нельзя накладывать на притчи элементы учения и служения Христа. Другими словами, необходимо уделять внимание в первую очередь самому тексту, учитывая, конечно, исторические особенности, но настолько, насколько это требует текст.

Во-вторых, чрезмерно строгий исторический подход игнорирует че-

¹⁶ Цит. Perrin N. по кн.: Crossan, *In Parables: The Challenge of the Historical Jesus* [«Притчи: Проблема исторического Иисуса»]. — 1973. — Р. 96-120.

¹⁷ Цит. Perrin N. по кн. Dan O.Via, *The Parables: Their Literary and Existential Dimension*, [«Притчи: литературное и экзистенциальный аспект»]. — 1967. — р. 96-97.

ловеческий фактор. Здесь имеется в виду то, что притчи не являются народными сказаниями и не могут расцениваться как воззвание к нации или общенациональным идеям, но к отдельным группам людей (например, в притче о добром самарянине — к тем, кто живет в опасной местности, в притче о потерянной овце — к людям, занимающимся скотоводством и т. д.).

В-третьих, исторический подход обращен лишь к прошлому, но не к нынешним ситуациям.

В-четвертых, исторический подход игнорирует эстетическую функцию и природу притч.

Учитывая эти замечания, мы приходим к выводу, что толкование необходимо начинать с самого текста, а не с исторических посылок и понимать его (текст) как совокупность различных элементов, составляющих единое целое, — то, что Виа называет «эстетическим объектом». Это, в свою очередь, приносит новое понимание бытия в наше сознание и открывает сущность веры и неверия¹⁸.

2.4. Примеры толкования некоторых притч. В этом параграфе рассмотрим примеры с применением принципов, изложенных выше. Первой проанализируем притчу о добром самарянине (Лк. 10:25-37) в интерпретации Д. Кроссана. Традиционное понимание этой истории заключается в том, что в ней представлен пример того, как следует поступать с ближним (метафорический пункт), и дается образец для подражания (литературный аспект). Однако Кроссан опровергает это мнение, утверждая, что литера-

турный и метафорический аспекты действуют на разных уровнях. Первый заставляет слушателя сделать невозможное заключение, тем самым перевернув его взгляды, а второй в том, что Царство Божье так же вторгается в сознание человека и побуждает его к переоценке ценностей. Итак, согласно классификации притч, которые предлагает Кроссан, эта притча принадлежит ко второму типу (reversal). Далее по структуре текста выделяются три части: ст. 25-28 — вопрос о вечной жизни; ст. 29 — вопрос о ближнем; ст. 36-37 — завершающий диалог. Нужно заметить, что слово «ближний» используется в пассивном смысле, то есть означает того, кому оказана помощь. Стих 29 является связующим между двумя частями. Между реакцией действующих лиц — священник, левит и самарянин — наблюдается определенная связь, что выражается в первой кульминационной точке, где представители священства противопоставляются самарянину. Следующая кульминационная точка — в риторическом вопросе в стихе 36. По мере развития сюжета, на второй план отходят разбойники, затем и священники, и остается один человек, с которым теперь слушатель имеет дело. Это заставляет его вынести суждение: как поступил самарянин? Он поступил правильно. С литературной точки зрения слушателю предлагается, а точнее, ему брошен вызов в том, чтобы сопоставить невозможные сочетания: «самарянин» и «ближний», а затем «самарянин» и «добрый». Таким образом, становится очевидной идея «переворота», изменения сознания. По-

¹⁸ Там же. — С. 88, 93-95.

ложительное (священники) становится отрицательным, а отрицательное — положительным (самарянин). Итак, Кроссан главным образом сосредоточивает внимание на структуре повествования и идее изменения (reversal).

Здесь следует принять во внимание иерархическую структуру иудейского общества, согласно которой самаряне находились между язычниками и сборщиками податей. Для иудеев эти люди были изгоями. Задавая вопрос о ближнем, законник тем самым спрашивал о том, как далеко следует заходить по этой иерархической лестнице. Следующий шаг в толковании — проследить развитие сюжета, который определяется главными действующими лицами. При этом некоторые детали становятся важными в той мере, в какой они имеют отношение к главной мысли. Во-первых, жертвой нападения был, скорее всего, иудей, поскольку рассказ предназначен был для иудеев. Во-вторых, греческое слово *κατεβαίνεν* означает то, что и священник, и левит шли «вниз» по дороге, из Иерусалима, а не наоборот. Так что они не могли бы оправдаться тем, что, посчитав лежащего у дороги мертвым, по закону не имели права прикасаться к нему, ведь им уже не нужно было совершать служение в храме. Этим показывается их лицемерие. Служа Богу в храме, они пренебрегли нуждающимся человеком. Наконец, главный пункт в этой притче в том, что то, как человек любит другого человека, является его истинные взаимоотношения с Богом. Согласно К. Бломбергу, в притче может быть столько главных

пунктов, сколько персонажей задействовано в ней. Итак, мы получаем следующую картину: первое — даже наши враги являются нашими ближними; второе — этническая или социальная принадлежность не дает перед Богом никаких преимуществ; поступок самарянина демонстрирует пример истинной любви. Теперь необходимо проследить связь притчи с темой Царства Божия. Наследование жизни вечной означает вход в это Царство. На вопрос, что для этого нужно делать, Христос отвечает неожиданным образом, показывая, каким должен быть человек, входящий в Царство. Последнее — принципы для применения. Прежде всего, любя ближнего, мы проявляем тем самым любовь к Богу. Любовь нелицемерна, то есть не отдает кому-либо предпочтения. Участие в церковном служении или членство в церкви еще не является заменой или непосредственным выражением любви к Богу и ближнему. Нужно идти навстречу нуждам людей, хотя это не всегда удобно¹⁹.

Еще один пример — притча о работниках в винограднике (Мф. 20, 1-16) в интерпретации Д. Виа. Эта притча относится к жанру «трагических». С позиции историко-литературного критицизма рассматриваемый контекст отражает реальные для слушателей события. Возможно, притча была рассказана в ответ на возражения оппонентов относительно общения Христа с мытарями и грешниками, а также для того, чтобы показать несостоятельность законнического подхода. Кроме того,

¹⁹ Keathley H. The parables. www.bible.org/docs/nt/topics/parables/para24.htm, 1998 (9 июля, 2003).

в Ветхом Завете образ виноградника ассоциировался с Израилем (см. Ис 5). Главные действующие лица — недовольные работники, проработавшие весь день. Они помогают раскрыть идею притчи. Притча считается трагической именно по причине того, что эти персонажи в конце оказались исключенными из общества хозяина. Наибольшего развития история достигает тогда (20, 12), когда недовольные работники настаивают на применении к ним справедливого воздаяния, то есть по их мнению, плата должна быть пропорциональна заслугам. Отстаивая свои права, они должны принять вызов от хозяина, поскольку они посчитали его не великодушным, а несправедливым. Таким образом, притча учит о том, что виноградари оказались вне источника благодати из-за их законнического понимания действительности. При этом главный принцип толкования заключается в том, что Божьи измерения проникают в нашу повседневную жизнь, чтобы произвести важнейшие переосмысления среди обычных обстоятельств²⁰.

Рассмотрев различные позиции в толковании притч, мы приходим к выводу, что они дополняют друг друга и в целом предоставляют возможность увидеть притчи на разных уровнях, что является хорошим средством для избежания субъективности взглядов, хотя и оставляет еще много нерешенных вопросов. Притчи имеют непосредственную связь с Царством Божиим,

которое представляет собой символ, извлекающий на поверхность миф. Кроме того, они функционируют как метафоры. Но поскольку главной целью герменевтики является диалог текста и толкователя, необходимо также понять, как применить это к современному миру, учитывая то, что миф теряет свое значение и актуальность, а метафора может быть «мертвой» или «застывшей». К тому же ее действенность в культурной и социальной сферах сейчас отличается от подобного воздействия в Палестине во времена Христа²¹.

3. Понимание притч евангельскими христианами

3.1. Причины трудностей и различий в толковании. Теперь рассмотрим особенности понимания притч евангельскими христианами в соответствии с изложенными выше принципами, а также трудности и противоречия, связанные с этим процессом. В качестве примеров представлены толкования некоторых притч или важные для понимания этого отрывки.

Итак, первой причиной проблем, на наш взгляд, является использование так называемого метода читательской реакции. В этом случае игнорируется «научный подход» и выделяется «духовное понимание», что включает в себя поиск подтекста в словах, применение текста непосредственно к себе, минуя весь процесс толкования. Та-

²⁰ Цит. Perrin N. по кн. Via, The Parables: Their Literary and Existential Dimension [«Притчи: их литературное и экзистенциальное измерение»]. – 1967. – P. 147-155.

²¹ Perrin N. Jesus and the language of the Kingdom. www.religion-online.org, July, 12th, 2003.

кого рода толкование также часто называется личным исследованием Библии по откровению свыше. Другой аргумент состоит в том, что «духовные истины нельзя уместить в богословские рамки» (хотя большинство толкователей соглашается с наличием связи притч с темой Царства и необходимостью разъяснять те или иные исторические особенности используемых Христом образов). Утверждается, что Библия — универсальна, и там можно найти ответы на все вопросы, главное — читать и молиться, а Дух Божий просветит, как и написано в цитируемых приверженцами этого метода отрывках²². В результате поиска откровений и ответов на вопросы происходит привнесение нового смысла в текст, что таит в себе немалую опасность. Если смысл текста при толковании меняется (или варьируется), то и применение извлеченного смысла также будет просто отличаться разнообразием, но будет противоречивым. Однако если мы подходим к Писанию как к богодухновенному Божьему Слову, содержащему в себе истину, то как же истина может иметь столько значений? С одной стороны субъективность в большей или меньшей степени присуща каждому, но с другой, настаивать на том, что это и есть единственно правильное решение — неразумно.

Вторая причина тесно связана с первой и заключается в понимании текста вне контекста (метод доказующего текста), хотя иногда и присутствует описание исторической обстановки того времени примени-

тельно к аудитории Христа. Однако это приносит мало пользы по третьей причине, суть которой лежит в аллегоризации, то есть в придании особого смысла деталям и истолковании их в самостоятельном значении, что можно охарактеризовать как тяготение к мистическому восприятию духовных вещей. Это происходит посредством того же личного откровения или цитирования других отрывков из Писания, то есть соединения параллельных мест снова без учета контекста каждого отрывка. В этом случае приоритет отдается словам, которые содержат в себе некий символ, например, масло — Дух Святой, светильник — Слово Божье и т. д. Основания для этих утверждений можно увидеть в примерах, приведенных ниже.

В качестве первого примера приведем толкование притчи о неверном управителе (Лк. 18:1-8) В.Я.Канатушем из книги «Притчи Иисуса Христа».

«Вдова из притчи символизирует всех бедных и незащищенных. А кто в этом мире более беден, незащищен и раним, как не христиане, истинные дети Божии?»

И далее. Судья и соперник.

«Кого под ними подразумевает Христос? С ними мы уже встречались в Нагорной проповеди (Мф. 5:25), где Господь призывает мириться с соперником... Мириться означает «освободиться» он него... Словом, соперник — это наш противник... В притче соперник символизирует дьявола, главного врага верующих... Если сатана вас... одолевает, тотчас же освободитесь через молитву... Наша задача — понять главный смысл... притчи — о необходимости постоянства в молитве»²³.

²² См. подробнее п. 3.3. о действии Духа Святого.

Из этой цитаты видно, что толкователь не только представляет детали с разными значениями, основанными скорее на церковном учении, нежели на принципах исследования текстов, но и разворачивает проповедь на каждый из используемых образов, что свидетельствует об игнорировании заложенной в тексте мысли. Кроме того, цитирование фразы «хотя и медлит защитить их» ассоциируется им с отрывком из 2Пет. 3:9, где «...не медлит Господь исполнением обетования..., но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб...». Если сопоставить контекст того и другого с этим отрывком, то станет понятно, что к притче он не применим. В последнем говорится в противовес словам противников, что суд Господень не замедлит прийти, а задержка во времени является милостью Божьей для людей, чтобы дать им время раскаяться.

Учение поместных церквей евангельских христиан, особенно старшего поколения, оказывает очень сильное влияние на понимание верующими текстов Библии, в том числе и притч. Проповеди, произносимые с кафедры служителями, имеющими большой авторитет в церкви, считаются словами, исходящими от Бога, воспринимаются беспрекословно и не подвергаются сомнению основной массой прихожан. Всякое же новое толкование почитается оскорблением для всей церкви и чуждым Богу. Итак, наблюдается тенденция не просто получить откровение от Бога, сразу выводя соответ-

ствующее применение, но также сопоставлять и таким образом ограничивать это откровение учением церкви. Следующие два примера иллюстрируют этот факт.

В. Куликов, объясняя притчу о драгоценной жемчужине, в первую очередь идентифицирует жемчужину с Христом, поскольку «Он является драгоценностью для нас (1Пет. 2:6)... прекраснее всех сынов человеческих... (Пс. 44:3)... в нем заключена совокупность совершенства». Далее поясняется идея поиска (Христа): «Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3:1) и «...взыщете Меня и найдете, если взыщете меня всем сердцем...» (Иер. 29:13), то есть «Господа можно найти везде...». Однако для этого необходимо заплатить цену: «от многого отказаться...отвергнуть себя...оставить все грехи и всякое нечестие...». И, наконец, последняя деталь относительно местонахождения жемчуга: «Жемчуг образуется на морской глубине: там он приобретает свои замечательные свойства. Подобно этому наш Господь... три дня и три ночи находился в сердце земли... (Мф. 12:40)» (В. Куликов, 1981, с. 19-21).

Другой пример — толкование притчи о работниках в винограднике (Мф. 20:1-16) в интерпретации, предложенной пастором Шатровым. В этой притче он сразу выделяет семь принципов, важных для христианина. В контексте наших рассуждений обратим внимание на четвертый и седьмой принципы. При этом делается вывод о «сострадании Божьем к безработным, стоящим на рыночной площади», а также о том, что «когда христианин

²³ Канатуш В.Я., Притчи Иисуса Христа. www.caw.dem.ru/books.htm, 6 июля 2003.

входит в Божью семью, он также становится работником в Его винограднике, неся порученное служение» (Шатров П.К., 2000, с. 419). В свете вышесказанного интересно сравнить толкование этой же притчи, предложенное другим автором — В.Я. Канатушем в книге «Притчи Иисуса Христа». Сначала он «расшифровывает» образы основных персонажей притчи: хозяин — это Христос... суверенный и справедливый. Виноградник — это «дом Божий: в Ветхом Завете это Израиль (Ис. 5:1-5), а в Новом — Церковь Христова. В Церкви Господь поставил пять категорий служителей: Апостолы, пророки, евангелисты, пасторы и учителя (Еф. 4:1-13). Все это, согласно притче, нанятые Им работники для труда в Его винограднике... Для работников же очень важно быть верными... (Лк. 16:1-12)». Далее, объясняя главную мысль притчи, Канатуш определяет вопрос, заданный Петром, как основу для притчи (Мф. 29:27) и делает вывод, что «духовный работник, извлекающий выгоду из двух миров, неблагонадежен для Царства Божия». При этом «в вечности Он оценит не по объему, а по качеству выполненной работы». В заключение слова Христа «так первые будут последними, и последние первыми» интерпретируются следующим образом:

Первыми можно назвать также тех, кто был призван в юности, а последними — тех, кто был призван в пожилые годы... Господь предостерегал и тех, и других, чтобы не гордились своим первенством...²⁴.

Из этих примеров можно выделить еще один принцип, использу-

емый евангельскими христианами при толковании, — смешивание самого толкования и применения. Так О.А. Тярк указывает на следующие правила, которые необходимо учитывать:

во-первых, «понять содержание притч»;

во-вторых, «знать обычаи того времени»;

в-третьих, уяснить, какая мысль является центральной;

в-четвертых, притчи, в которых мы не можем определить фон событий, «необходимо объяснять с точки зрения общего учения Христа»;

в-пятых, «понять, какая часть относится только к содержанию притчи, а какая к толкованию».

в-шестых, принять во внимание факт, что «Дух Святой — лучший истолкователь»²⁵.

Можно сказать, что эти принципы весьма существенны, хотя бы теоретически, пусть даже на начальном уровне. Они требуют развития, поскольку, чтобы их применять, необходимо знать, как это делать, и иметь необходимую информацию, то есть достаточно вспомогательного материала.

3.2. Значение деталей. Последний распространенный принцип, который стоит рассмотреть отдельно — это аргумент, используемый толкователями в защиту упомянутого выше «аллегоризирования» деталей притч. Суть его в том, что сам Христос использовал этот метод в притче о сеятеле, о неводе, и о плевелах, тем самым дав нам при-

²⁴ Там же.

²⁵ Тярк О.А. *Притчи Иисуса Христа*. — М., 1999. — С.122.

мер поступать также. При этом толкователи даже в эти притчи вносят новые детали, изменяя первоначальное значение, либо извлекая новые принципы для применения. Рассмотрим пример толкования притчи о бесплодной смоковнице.

«...Смоковница имела хороший уход...То же Господь делает и для нас, своих детей...Почва... удобряется. И происходит это через чтение и изъяснение Священного Писания, через посредство пения хора... Ветви, не приносящие плод, Он отсекает (Ин. 15:2-3) и совершается это отсечение опять — таки посредством Слова Божия (Иак. 1:21-24), или через беседу с опытными служителями и членами церкви, о чем мы читаем в послании к Галатам, 6:1...». Завершается толкование тем, что хотя «виноградари продолжают ходатайствовать... перед Богом: “Оставь ее еще на год”... придет день, когда отнята будет Божья ограда (Ис. 5:5-6) и будет убрана бесплодная смоковница... Подобно этому Христос ходатайствует о нас перед Отцом Небесным...»²⁶.

В соответствии с толкованиями самого Христа различные детали имеют такое значение, которое непосредственно относится к главной идее притчи. Помимо того, акцент на некоторых деталях позволяет не только заострить внимание на важном, но и усиливает воздействие самой притчи на слушателей. Например, О.А. Тярк дает объяснение притчи о заблудшей овце, в которой, по его мнению, основная мысль —

радость обретения. При этом он выделяет следующие принципы для применения. Первый — «пропавшего человека всегда можно снова найти...». Второй — «Христос имеет силу вернуть его». Третий — «каждый человек достоин, чтобы его найти»²⁷. Эти принципы не бесспорны относительно главной идеи притчи, однако они не противоречат ей как взятые на основании отдельных слов или образов текста. Важно помнить о структуре текста, а также учитывать особенности языка оригинала. При этом детали окажутся важными не относительно смысла непосредственно, но в процессе изучения отрывка. Например, в притче о неверном управителе (Лк. 16:1-13) в ст. 9 использован семитический пассив (ἵνα... δεξωνται — «чтобы они приняли»). Согласно этой конструкции, заимствованной из еврейского языка, слово «друзья» не может быть подлежащим. Принимающим лицом является Бог. Кроме того, в ст. 8 слово «похвалил» (греч. φρονιμός), которое непонятно с морально-этической точки зрения, тем более в изложении самого Христа, на самом деле «относится не к моральному аспекту действия управителя. Скорее оно подразумевает то, что управитель знал, как действовать перед лицом неминуемого кризиса. В этом и состоит смысл притчи»²⁸.

В притче о блудном сыне также есть интересная деталь, которая иллюстрирует отношение старшего сына к отцу. Во фразе «Я столько

²⁶ Колесников Н.А. *Бесплодная смоковница* // Братский вестник. — 1986. — №6. — 1986, С. 21.

²⁷ Тярк, О. А. *Притчи Иисуса Христа*. — М., 1999. — С. 219-220.

лет служу тебе...» (Лк. 15:29) глагол «служить» — δουλέω в соединении с фразой «столько лет» (τοσαύτα ετη) в винительном падеже со значением длительности в греческом языке означает «служить в качестве раба или слуги». В ст. 30 — «проевший твое имение» βίος «...употребляется в гиперболическом смысле, поскольку младший сын мог потратить лишь собственную долю из состояния отца... а фраза «сын твой этот» окрашена презрением». И наконец в ст. 32 глаголы «радоваться» и «веселиться» — ευφρανθῆναι и χαρῆναι εδει означают внешнее веселье и внутреннюю радость соответственно²⁹.

Еще одна важная деталь, присущая притчам — использование риторических вопросов — вопросов, на которые ответ не ожидается или уже ясен. Как уже было сказано выше, притчи содержат в себе скрытый конфликт, удивляя слушателя, ставя его в тупик и побуждая к переоценке. Риторические вопросы также служат этой цели. Например, в притче о башне (Лк. 14:28) — «кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек...?», о потерянной драхме (Лк. 15:8), или в притче о злых виноградарях (Лк. 20:15). «Этот вопрос разрывает повествование притчи, поскольку обращен прямо к слушателям... и призван лишь оживить притчу и привлечь внимание к самому главному в ней. Вопрос задан в будущем времени, как если бы Иисус и его слушатели

были непосредственными очевидцами описываемых событий»³⁰.

Фактически все описанные выше причины или препятствия для более объективного толкования лежат в одной плоскости и представляют собой две стороны проблемы — трудности понимания. Это чрезмерное обобщение или же чрезмерное детализирование, когда толкователь, углубляясь, ищет смысл там, где его нет. Возможно, это отчасти проблема старшего поколения, закаленного в гонениях и испытаниях, их желание сохранить чистоту учения вполне закономерно. Новое понимание текста для них — своего рода признак лжеучения. С другой стороны, нельзя игнорировать особенности русской культуры и менталитета, которые побуждают русского христианина-протестанта (представляющего собой своеобразное сочетание западной и восточной культур) искать мистический («духовный») смысл. Другие представители христианских конфессий ищут его в обрядах или чудесах, или в особых переживаниях. Так или иначе, не зная особенностей древних языков и литературных приемов, свойственных тому времени, можно легко заблудиться и принять истинное за ложное, и наоборот.

Итак, что же играет решающую роль: крайности, различие во мнениях, обусловленные культурой, возрастом и социальным статусом? В любом случае, главное в том, что люди уже имеют определенные предпосылки для толкования, нежелание признать себя недостаточно

²⁸ Рейлинг Дж., Свелленгребель Дж. Комментарии к Евангелию от Луки: Пособие для переводчиков Священного Писания. — СПб.: Российск.

Библейское общ-во. — 2000. — С. 663-664.

²⁹ Там же. — С. 655-656.

³⁰ Там же. — С. 754.

сведущим (да и кто может утверждать, что достиг вершины познания чего-либо?), чтобы переоценить свои позиции и стремиться учиться большему.

3.3. Роль Святого Духа в толковании. Как уже было замечено в третьей главе, многие христиане считают, что достаточно просто молиться, и Дух Святой откроет им Писание (при этом, текст говорит непосредственно к интерпретатору). Другая крайность состоит в излишнем рационализме, хотя она присуща скорее богословам. Таким образом, процесс толкования совершается или, точнее, ограничивается непосредственным применением текста в жизненных ситуациях, либо изучение происходит преимущественно на уровне интеллекта без воплощения теории в практику и изменения личности.

В качестве главных аргументов для первого случая евангельскими христианами используются отрывки из Писания 1Кор. 2:12-14 и 1Ин. 2:20. В первом отрывке использован глагол $\delta\epsilon\chi\epsilon\tau\alpha\iota$ от $\delta\epsilon\chi\omicron\mu\alpha\iota$ (в отличие от $\lambda\alpha\mu\beta\alpha\nu\omega$, значение которого больше относится к опыту), что означает принимать с одобрением, радушно. Это слово имеет отношение к волеизъявлению человека. Другой глагол $\gamma\omega\nu\omicron\alpha\iota$ от $\gamma\iota\nu\omicron\sigma\kappa\omega$ — «знать» относится к разумному принятию. При этом между предложениями использована структура контраста. Таким образом, невозрожденный от Духа человек (в противоположность духовному, то есть возрожденному) не хочет, не знает и поэтому не понимает духовных вещей, он живет в соответствии

со своей грешной природой, и это закрывает от него истину. Да, отчасти неверующий человек способен понять смысл текста, но дойти до глубины он не может, поскольку этот уровень доступен только Богу, и только Он просвещает. Идея другого отрывка также лежит в противопоставлении, но уже еретическому учению, в котором утверждается обратное тому, что говорит апостол, а именно: Христос пришел во плоти, и Он вернется снова. Так как адресаты послания являются детьми Божьими, то они должны это знать и различать посредством Духа, Которым Бог наделил их. Таким образом, понятие «внутреннее свидетельство Духа» невозможно интерпретировать вне контекста послания, придавая ему универсальное значение³¹. Это справедливо также и для первого отрывка.

На основании вышесказанного очевидно, что Дух Святой не замечает процесс толкования, но работает в наших сердцах, давая уверенность и понимание важных принципов, касающихся нашего спасения и отношений с Богом. При этом нужно учитывать, что есть вопросы менее важные, на которые нет прямого ответа в Писании, например, за какое правительство голосовать или является ли теория отложенного царства верной. Это, в свою очередь, не означает, что мы не можем найти на них ясный ответ. Но в подобных случаях Бог дает нам возможность самим проводить исследования и делать выводы. Это первый аспект.

³¹ Robertson A. T. Word Pictures in the New Testament. (Nashwill, Tenessi: Broadman Press, 1863-1934), Vol. IV, p. 216; Vol. VI, p.87-89.

Второе. Наши убеждения или предрассудки влияют на наше восприятие, в частности, когда речь идет о «церковном консерватизме», если выразить обобщенно. В этом случае мы сами ограничиваем действие Духа Святого и не даем Богу возможности изменять нас так, как Он этого желает.

Третье. Дух Святой не привносит откровения в текст, поскольку последний является самодостаточным, но помогает понять его. При этом Дух воздействует скорее на наши внутренние убеждения, чем только на знания в рамках интеллекта.

Четвертое. Непослушание или несогласие с истиной, изложенной в Писании (что не исключает его авторитетность в глазах человека), также снижает способность последнего интерпретировать текст без искажений (см. 2 Пет. 3:15-16).

Пятое. Тот, кто открыт к принятию истины и воспринимает тексты как написанные Божьими людьми, имеет больший шанс на успех. Несомненно, верующий человек в первую очередь является таковым.

Итак, свидетельство Духа содержит в себе непосредственное, упорядоченное сверхрациональное откровение истины в отношении главных догм и принципов. Дух убеждает нас не через экзегетику, но выше этого уровня. Конечная же цель всегда остается одинаковой: принять от Него истину, применить Его откровения, изменяющие жизнь³².

³² D.B. Wallace. The Holy Sprit and Hermeneutics. www.bible.org, July, 9th, 2003.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Евангельские притчи многогранны и представляют обширную сферу для изучения. Одна лишь их классификация значительно варьируется и дает право выбора толкователю. Можно рассматривать притчи как сравнения, метафоры, афоризмы, расширенные истории, причем каждая из перечисленных форм может быть трансформирована или подразделена на другие. Кроме жанровых, выделяются также и тематические разделения. Цель притч раскрывается самим Христом, и на этот счет большинство мнений совпадает: они открывают или наоборот скрывают «тайны Царствия» от тех, которые пренебрегали истиной и были неспособны понять ее. Символ, который представляет собой Царство Божье, имеет корни в понятиях и эсхатологических ожиданиях евреев, но возвещается Христом в совершенно новом ракурсе.

С позиции текстуального, литературного и исторического критеризма рассмотрены наиболее значительные выводы американских и немецких богословов. Каждый из них внес свой вклад в понимание притч с разных точек зрения, выявляя различия между притчей и аллегорией (Юлихер), сравнением и метафорой (Уайлдер), поэтической метафорой и расширенным повествованием (Кроссан). Наряду с этим, практически каждый подход имеет свои недостатки или упущения, особенно, относительно применения притч в современном обществе и построения моста между текстом и читателем. Так богословы выводили из текстов притч моральные

уроки или проповеди (Юлихер, представители «новой герменевтики») или же отнесли первоначальный смысл для оригинальной аудитории непосредственно к современному читателю (Иеремиас, Виа).

Говоря о нынешних богословских позициях евангельских христиан, в частности, в сфере толкования притч, и сопоставляя их с рассмотренными исследованиями, можно выявить определенные проблемы и противоречия. На основании примеров интерпретации и учета особенностей учения в евангельских церквях выделяются следующие тенденции.

Во-первых, процесс толкования как таковой отсутствует, или, по крайней мере, учитываются лишь некоторые его пункты, такие как контекст притчи и описание исторически сложившейся ситуации.

Во-вторых, существует ряд препятствий, не позволяющих увидеть и учесть рассмотренные принципы. Эти препятствия или причины выражаются в следующем:

- поиск в тексте скрытого смысла и непосредственное применение к личной ситуации;
- исследование текста вне контекста;
- аллегоризация слов и персонажей;
- авторитет церковного учения и как следствие, возникновение консерватизма и предубеждений против всего нового;
- смешивание толкования и применения;

На вопрос о роли Духа Святого в толковании, волнующий каждого верующего человека, можно ответить как с позиции богословов, так

и с позиции большинства верующий евангельского толка. Эти аргументы, приведенные на основании цитат из Писания, можно опровергнуть, исследовав эти отрывки, извлекая их первоначальную идею и ценность. При этом следует учитывать следующие факторы.

- В Библии даются основополагающие принципы и ответы на важнейшие вопросы, касающиеся нашего спасения и жизни во Христе, но не более. Поэтому искать ответы на вопросы о «правильной» деноминации, вреде или пользе телевизора неправильно.
- Дух Святой влияет на наши внутренние убеждения, а не на знания.
- Дух Святой не привносит откровение в текст, но и не замещает процесс толкования. Он действует посредством и сверх того.
- Наши предубеждения препятствуют Его действию в нас и, соответственно, духовному росту и изменениям в жизни верующего.
- Послушание и открытость к принятию истины положительно влияют на процесс и результат толкования и, соответственно, на применение.

Итак, проблемы толкования притч не исчерпаны ни на уровне богословия, ни в практике евангельских верующих. Изучение результатов проведенных исследований и применение главных принципов толкования дает возможность не только более объективно увидеть текст, но и переоценить свою позицию, открывшись Духу Святому для понимания важных духовных истин.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барнуэлл К. Дэнси П., Поп Т. *Ключевые понятия Библии*. — СПб.: Библия для всех, 1995. — С.290-296.
- Бикман Дж., Келлоу Дж. *Не искажая слова Божия: Принципы перевода и семантического анализа Библии*. / Пер. с англ. — СПб.: Ноах, 1994.
- Брайтчер Р., Найда Ю. *Комментарии к Евангелию от Марка: (Пособие для переводчиков Священного Писания)* / Пер. с англ. под ред. А. Л. Хосроева. — СПб.: Российское Библейское общество, 2001.
- Верклер Г. А. *Герменевтика: Принципы и процесс толкования Библии*: Пер. с англ. — Гранд Рапидс: Бейкер, 1996.
- Жидков М.Я. *Две притчи Иисуса Христа* // Братский вестник. — 1971. — №5. — С.58-62.
- Канатуш В. Я. *Притчи Иисуса Христа*. www.caw.dem.ru/books.htm, July, 6th, 2003.
- Канатуш В.Я. *Семь притч о Царстве Божием* // Одесса: ОБС «Богомыслие», №1. 1991. www.OdessaSem.com.
- Колесников Н.А. *Бесплодная смоковница* // Братский вестник. — 1986. — №6. — С.21-23.
- Кузнецова В.Н. *Евангелие от Матфея. Комментарий*. — М., 2002.
- Куликов В. *Драгоценная жемчужина* // Братский вестник. — 1981. — №4. — С.19-21.
- Попов В.А. *Исследуйте Писание*. — СПб., 1999.
- Рейлинг Дж., Свелленгребель Дж. Л. *Комментарии к Евангелию от Луки: Пособие для переводчиков Священного Писания* / Пер. с англ. под ред. А.Л. Хосроева. — СПб.: Российское Библейское общество. — 2000.
- Ринекер Ф. Майер Г. *Библейская энциклопедия Брокгауза* / Пер. с нем. — Кременчуг: Христианская заря, 1999. — С.784-785.
- Тярк О.А. *Притчи Иисуса Христа*. — М., 1999.
- Хендриксен У., Джексон Г. *Изучение, толкование и применение Библии* / Пер. с англ. — СПб.: Мирт, 1995.
- Шатров П. К. *Пособие для изучающих Священное Писание*. — СПб.: Библия для всех, 2000.
- * * *
- Henry, Matthew. *Matthew Henry's Concise Commentary on the Bible*. Oak Harbor, WA: Logos Research Systems, Inc., 1997.
- Herrick G. *The Interpretation of Parables: Exploring «Imaginary Gardens with Real Toads»*. www/bible.org. Biblical Studies Foundation, 2001.
- Jamieson, Robert; Fausset, A.R.; and Brown, David. *Commentary Critical and Explanatory on the Whole Bible*. Oak Harbor, WA: Logos Research Systems, Inc.
- Keathley H. *The parables*. www/bible.org, 1998.
- Kimble E. *Biblical Theology: hermeneutical principles of progressive revelation*. www.bsmi.org. July, 8th, 2003.
- Perrin N. *Jesus and the language of the Kingdom*. www.religion-online.org, July, 12th, 2003.
- Robertson A. T. *Word Pictures in the New Testament*. Vol.IV. — P. 216; Vol.VI. — P. 87-89. Nashwill, Tenessi: Broadman Press, 1863–1934.
- Wallace Daniel B. *The Holy Sprit and Hermeneutics*. www.bible.org, July, 9th, 2003.